

Жулькова К.А.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ И
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ТОЧНОСТЬ:
МЕМУАРЫ И КОММЕНТАРИИ.**

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕКМАНОВ О.А. «ЖИЗНЬ ПРОШЛА.
А МОЛОДОСТЬ ДЛИТСЯ...», ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КНИГЕ
ИРИНЫ ОДОЕВЦЕВОЙ «НА БЕРЕГАХ НЕВЫ»©**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, zhulkova.karina@mail.ru*

Аннотация. «Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой “На берегах Невы”» – богатый источник информации о культурной жизни начала XX в., исследование, основанное на изучении мемуаров, писем, современных аналитических работ. Развёрнутые комментарии О.А. Лекманова помогают не только понять, где в книге И. Одоевцевой «беллетристика», где «ошибки памяти или сознательные преувеличения» [Лекманов, 2020, с. 4], но и определить причины скрытой и явной игры фактами.

Ключевые слова: мемуары; комментарии; О. Лекманов; И. Одоевцева; Себрёянный век; Н. Гумилёв; О. Мандельштам; факты; ошибки.

Поступила: 10.05.2021

Принята к печати: 31.05.2021

Zhulkova K.A.

Fiction and documentary accuracy: memoirs and comments.

(Book review: Lekmanov O.A. “Life has passed. And youth lasts...”©.

A guide to the book by Irina Odoevtseva “On the banks of the Neva”©

Institute of Scientific Information for Social Sciences of

the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia, zhulkova.karina@mail.ru

Abstract. “A guide to the book by Irina Odoevtseva *On the banks of the Neva*” is a rich source of information about the cultural life of the early twentieth century, research based on the study of memoirs, letters, contemporary analytical works. Comments by O.A. Lekmanov help not only to identify “fiction” in the book of I. Odoevtseva, where “memory errors or deliberate exaggeration” [Lekmanov, 2020, p. 4], but also to determine the reasons for the hidden and explicit playing with facts.

Keywords: memoirs; comments; O. Lekmanov; I. Odoevtseva; Silver Age; N. Gumiiliov; O. Mandelstam; facts; mistakes.

Received: 10.05.2021

Accepted: 31.05.2021

Книга И.В. Одоевцевой¹ «На берегах Невы», представляющая собой воспоминания о литературной жизни пореволюционного Петрограда, вышла сначала за рубежом², затем в 1988 г. в сокращении в России, и с тех пор не раз переиздавалась, а в 2020 г. была выпущена издательством АСТ с предисловием и комментариями О.А. Лекманова.

Представляя книгу, О.А. Лекманов, доктор филологических наук, профессор Высшей школы экономики, задается вопросом: чем она может быть интересна современному читателю? – и отвечает на него: «Во-первых, мемуары Одоевцевой – богатый источник информации о Николае Гумилёве и других русских поэтах начала ХХ в. Во-вторых, выразительный результат работы человеческой памяти. И, наконец, в-третьих – вполне увлекательный художественный текст» [Лекманов, 2020, с. 7].

© Zhulkova K.A., 2021

¹ Одоевцева Ирина Владимировна – настоящее имя Гейнике Ираида Густавовна (1895–1990).

² Отрывки из воспоминаний Одоевцевой публиковались в периодике русского зарубежья – в «Новом журнале» (1962–1963), в «Русской мысли» (1962), в «Мостах» (1962), в «Современнике» (1964). Полное издание вышло в 1967 г. в Вашингтоне.

Комментарии О.А. Лекманова также представляют собой богатый источник информации о культурной жизни начала ХХ в. и увлекательный самостоятельный текст, который помогает читателям, желающим, как Дмитрий Быков, «узнать, где у Одоевцевой правда, где беллетристика, где ошибки памяти или сознательные преувеличения» [там же, с. 4], не только обнаружить скрытую и явную игру фактами, но и понять, чем эта игра предопределена. По замечанию автора комментариев, эксклюзивного материала о Георгии Иванове, Николае Гумилёве, Михаиле Лозинском и Осипе Мандельштаме у мемуаристки было много, о Михаиле Кузмине, Анне Ахматовой и Александре Блоке – гораздо меньше, а об Андрее Белом, Алексее Ремизове и Фёдоре Сологубе такого материала почти совсем не было, однако Одоевцевой «непременно хотелось дать в книге если не полную, то хотя бы впечатляющую картину литературного процесса в Петрограде, причем самой представить полноправной участницей этого процесса» [там же, с. 10].

О.А. Лекманов отдает должное мемуаристке в том, что она не пошла «по пути беззастенчивого выдумывания никогда не бывших событий», а выбрала более честный путь «историко-литературной компиляции – тщательно подбирая, один к одному, и тасуя факты, взятые из мемуаров современников» [там же]. Комментатор приводит в «Путеводителе...» многочисленные ссылки на эти источники, цитирует те из них, которые могла держать в руках Одоевцева, работая над первой книгой своих мемуаров (исключение составляют лишь произведения Г. Иванова, так как Одоевцева была знакома с их допечатными версиями). Поскольку мемуаристка чрезвычайно редко называла материалы, которыми пользовалась при составлении собственных воспоминаний [там же, с. 671], исследователю приходится кропотливо их выявлять. Таким образом, он представляет развернутую картину многообразия мнений, прослеживает их трансфер, учитывает при этом наиболее интересные журнальные и газетные фрагменты и микрофрагменты из тех, что элиминированы в итоговом варианте книги «На берегах Невы».

Утверждение, что Одоевцева в своей книге за исключением двух случаев (отношения Гумилёва и Ольги Гильдебрандт-Арбениной, а также досада Гумилёва на Ахматову в 1921 г.) сознательно не врет, дополняется автором «Путеводителя...» замечанием: она «многое неосознанно перевирает» [Лекманов, 2020,

с. 12]. В ходе знакомства с комментариями «неосознанность» начинает казаться не такой уж очевидной.

Упрекая мемуаристку в «не столь “фантастической”, как она сама расписывала», памяти, О.А. Лекманов объясняет, что в отличие от супруга, Г. Иванова, признававшегося: «Ну и провору для красоты слога...» [Ivanov, Odoevceva, 1994, S. 29], Одоевцева сознательно выдумывала редко, однако «провалы своей памяти заполняла в тексте приблизительными сведениями с легкостью необыкновенной» [Лекманов, 2020, с. 13]. Ее позиция проявляется и в наставлениях Р. Гулью: «Если Вы вздумаете сромантизировать на наш общий с Жоржем (Ивановым. – О.Л.) счет, мы будем только польщены. Выдуманные биографии часто интереснее настоящих...» [Иванов, Одоевцева, Гуль, 2010, с. 49].

Акцентируя внимание на слове «интереснее», О.А. Лекманов пишет: «И себя саму Одоевцева сделала в книге не только доброжелательнее, но и гораздо наивнее, чем в жизни, – чтобы получилось “интереснее”, чтобы читатель мог воспринять “На берегах Невы” как своеобразный “роман воспитания”: юная, неопытная во всех отношениях девушка под руководством чудаковатого, порою эгоистичного “рыцаря в панцире железном” приобщается к тайнам поэтического творчества. В этом “интереснее” – причина и главных претензий, адресуемых книге Одоевцевой (иногда справедливых), но и огромной и заслуженной ее популярности у широкого круга читателей» [Лекманов, 2020, с. 14].

Увлекательность воспоминаний Одоевцевой бесспорна и во многом связана с умением автора приукрашивать действительность. «Путеводитель...» предлагает «самым любопытным читателям» наконец узнать, где мемуаристка говорит правду, а где путает или приукрашивает в угоду «интереснее».

Название мемуаров и эпиграф к ним Одоевцева связала со стихотворением своего мужа Георгия Владимировича Иванова (1894–1958) «Январский день. На берегу Невы...» (1922). О.А. Лекманов отмечает, что она выбрала из этого стихотворения чуть искаженный микрофрагмент, заменив в заглавии единственное число на множественное (у Иванова – «на берегу», у Одоевцевой – «на берегах»), и сделала таким образом отсылку к большему количеству поэтических произведений, в совокупности образующих петербургский текст русской литературы, так как сочетание «на

берегу Невы» встречается только в двух стихотворениях Г. Иванова, в двух – О. Мандельштама и в поэме Н. Некрасова, а «на берегах Невы» – в стихотворениях А. Ладинского, К. Вагинова, З. Гиппиус, Вл. Соловьёва, А.К. Толстого, К. Павловой, П. Плетнёва, А. Востокова и Г. Державина, «на берегах Невы» – в поэтических произведениях В. Маяковского, К. Вагинова, А. Пушкина (трижды), И. Крылова и А. Сумарокова [Лекманов, 2020, с. 450].

Среди всех этих текстов особое значение, по мнению автора «Путеводителя...», имеют три: указанное выше стихотворение Иванова, пушкинские строки из первой главы «Евгения Онегина» и «Элегия» (1933) Антонина Ладинского. В ивановских строках: «Январский день. На берегу Невы / Несется ветер, разрушеньем вея», – О.А. Лекманов выделяет слова «ветер» и «разрушенье», именно от «ветра» «разрушенья», по его мнению, Одоевцева пытается спасти время, проведенное ею в пореволюционном Петрограде – промежуток с ноября 1918 г. по лето 1922 г. – и воспринимаемое как эпилог предшествующей эпохи. Хрестоматийное: «Онегин, добрый мой приятель, / Родился на берегах Невы, / Где, может быть, родились вы / Или блистали, мой читатель; / Там некогда гулял и я: / Но вреден север для меня», – Одоевцева, вероятно, иронически примеряет на собственную судьбу. Актуализируются и последние строфы эмигрантской «Элегии» А. Ладинского: «И только голос лиры / К тебе из синевы, / И только город сирый / На берегах Невы, / И только слезы, слезы / Твоих небесных глаз, / Твои метаморфозы / И расставанья глас...» [Ладинский, 1937, с. 11].

«Метаморфозы», произошедшие с городом, с очевидностью демонстрирует «Путеводитель...». Оказывается, например, что Знаменская церковь, куда заходили заказать панихиду по Лермонтову Гумилёв и Одоевцева, располагалась на месте нынешнего вестибюля метро «Площадь Восстания», действовала до 1938 г. и была разобрана в марте 1941 г.

Благодаря «Путеводителю...» становится возможным и сейчас пройти по дороге, которой провожал мэтр юную поэтессу. Рассказ Одоевцевой о том, как она, потрясенная, молчаливая, впервые шла вместе с Н.С. Гумилёвым и думала только о том, «чтобы не споткнуться, не упасть», дополняется точными сведениями комментатора: с 4 апреля 1919 г. по 1920 г. Гумилёв в Петрограде жил по адресу: ул. Преображенская, д. 5, кв. 2. Ныне эта улица называ-

ется улицей Радищева. Расстояние от дома Гумилёва до дома Одоевцевой на ул. Бассейной измеряется 490 м. [Лекманов, 2020, с. 496]. О.А. Лекманов привлекает также письмо В. Маркову, помеченное 1 февраля 1956 г., в котором мемуаристка уточняла: «Я жила на Бассейной, 60, на Преображенской, 5 – совсем близко – жил Гумилёв, на той же Бассейной находился Дом литераторов, где мы ежедневно бывали; на Знаменской “Живое слово”, где я училась» [«...Я не имею отношения...», 2000, с. 402].

Признание Одоевцевой в том, что до поступления в «Живое слово» стихов Гумилёва она «не знала, а те, что знала», ей «не нравились» [Лекманов, 2020, с. 27], но при этом с нетерпением ждала его пятничную лекцию, уточняется в «Путеводителе...»: «15 ноября 1920 г., когда состоялась первая лекция Гумилёва в Институте живого слова, пришлось не на пятницу, а на понедельник» [там же, с. 456]. А впечатление Одоевцевой от лекции: «Гумилёв говорит торжественно, плавно и безапелляционно. Я с недоверием и недоумением слушаю и смотрю на него. Так вот он какой. А я и не знала, что поэт может быть так не похож на поэта. Блок – его портрет висит в моей комнате – такой, каким и должен быть поэт. И Лермонтов, и Ахматова... Я по наивности думала, что поэта всегда можно узнать. Я растерянно гляжу на Гумилёва. Острое разочарование – Гумилёв первый поэт, первый живой поэт, которого я вижу и слышу, и до чего же он не похож на поэта!» [там же, с. 30], – дополняется комментатором не только выдержкой из первой публикации «На берегах Невы»: «Я чувствую себя девочкой – из анекдота – писавшей отцу: “Папа, я вчера видела льва, но он не похож”» [Одоевцева, 1962, с. 4], – но и развернутой биографической справкой: «Николай Степанович Гумилёв (1886–1921) воспринимал преподавание в институте не только как средство для стабильного заработка, но и как продолжение той педагогической деятельности, которую он начал еще в 1911 г. в качестве одного из руководителей первого “Цеха поэтов”. Ее суть заключалась в обучении слушателей искусству писать, а в еще большей степени – воспринимать стихи. Гумилев верил в специальную методику, которая позволит достичь в этом направлении значительных успехов. Отсюда – подчеркнуто ремесленное, рабочее название возглавлявшегося им кружка (“Цех поэтов”), а Институт живого слова на заседании организационного совета, которое состоялось 27 октября

1918 г., Гумилёв предлагал назвать “Литературным политехникумом” [Лекманов, 2020, с. 456].

Однако если дата первой встречи с будущим учителем действительно могла забыться (в умышленном искажении этого факта мемуаристку трудно заподозрить), то во фрагменте, описывающем чтение Г. Ивановым «Баллады о дуэли», Одоевцева, по мнению О.А. Лекманова, сознательно отступает от хорошо известной ей хронологии. Она намеренно сообщает, что стихотворение О.Э. Мандельштама «Сестры – тяжесть и нежность – одинаковы ваши приметы...», в котором и правда, сначала вместо слов «Легче камень поднять, чем имя твое повторить» были слова «Легче камень поднять, чем вымолвить слово: любить», обыгранные в декламируемой Ивановым «Балладе...» («...Зачем Гумилёв головою по-ник, / Что мог Мандельштам совершить? / Он в спальню красавицы тайно проник / И вымолвил слово “любить”»), написано «на прошлой неделе», т.е. в конце декабря 1920 г. На самом деле оно было создано еще в марте 1920 г. в Коктебеле [Мец, 2009, с. 567–568]. Не сообщает Одоевцева и о причине ссоры, из-за которой состоялась «дуэль» между «героем Гумилёвым» и «юным грузином Мандельштамом», не желая упоминать Ольгу Арбенину. Психологическое объяснение этому О.А. Лекманов находит в сложном отношении Одоевцовой к «барышне Арбениной», во многом замешанном на чувстве соперничества, и подтверждает свою версию многочисленными источниками (перепиской Г. Иванова и В. Маркова, воспоминаниями Гильдебрандт-Арбениной и др.).

Помимо забывчивости и сознательного отхода от фактов, «Путеводитель...» указывает и на другую причину неточностей. Она связана со спешкой или небрежностью при составлении целостной версии мемуаров. «Книга создавалась не единым непрерывным потоком, а кусками, которые затем печатались в различных изданиях», и сетяя на то, что «времени и, возможно, терпения у Одоевцевой, когда она монтировала эти куски в единое целое, хватало не всегда», исследователь указывает на «дословное совпадение» некоторых формулировок [Лекманов, 2020, с. 666]. Между тем он не приводит эти совпадения в своем комментарии, из-за чего такой упрек кажется голословным.

Восполняя этот пробел, посмеем предположить, что, комментируя фрагмент, в котором даны характеристики Н. Гумилёва,

Г. Иванова, А. Радловой и В. Пяста, автор «Путеводителя...» имплицирует не слова «с видом Наполеона» [Лекманов, 2020, с. 269], сказанные о Гумилёве, поскольку считать их полным аналогом таких характеристик, как: «с видом фокусника» [там же, с. 105], «с видом царедворца» [там же, с. 122], «с видом помещика» [там же, с. 159], «с видом царствующей особы» [там же, с. 295] в отношении Гумилёва – едва ли возможно. Дословными исследователь мог посчитать формулировки в отношении Г. Иванова, в комментируемом отрывке он «как всегда подчеркнуто элегантный, на-смешливый, с челкой до бровей» и Одоевцевой «очень не нравится эта челка, хотя ее и придумал “сам Судейкин”» [там же, с. 270], а ранее «подчеркнуто элегантный, в синем костюме», «с челкой» и ей также «очень не нравится эта челка» [там же, с. 148]; или А. Радловой, которая сверкает «тяжеловатой восточной красотой, слушает, картино засты» [там же, с. 270] в комментируемом отрывке, а позднее снова вспоминается со словами о «несколько тяжеловатой, но бесспорной красоте» [там же, с. 416]; или В. Пяста «в своих клетчатых панталонах, прозванных “двуостопными пястами”» [там же, с. 270], о котором уже сообщалось: «Самый богемный из богемных поэтов. Русская разновидность “*roète maudit*”. Он летом и зимой носит соломенное канотье и светлые клетчатые брюки, прозванные “двуостопные пясты”» [там же, с. 143]. Возможно, такие повторы объясняются отсутствием «времени» и «терпения», а, возможно, продиктованы желанием вновь прибегнуть к наиболее ярким описаниям.

Огехи, связанные с составлением единой книги из отрывков, в некоторых фрагментах выявляются с особой очевидностью. Например, указав, что М.А. Кузмин жил на Надеждинской, мемуристка тут же сообщает, что он предпочитал проводить дни и вечера «в хорошо натопленном и ярко освещенном Доме литераторов», а не «у себя в холодной и темной квартире на Кирочной» [там же, с. 409]. Комментатор задается резонным вопросом: «на Надеждинской улице жил Кузмин или на Кирочной?» [там же, с. 787]. Причина путаницы, по мнению исследователя, кроется в неуверенности Одоевцевой в том, где именно в Петрограде проживал поэт. О.А. Лекманов разъясняет: «В журнальном варианте было только “на Надеждинской”, без “Кирочной” [Одоевцева, 1963, с. 146]. В книжной версии О. вставила в конце “на Кирочной”,

а “на Надеждинской” вычеркнуть забыла» [Лекманов, 2020, с. 787]. К тому же оказывается, что оба варианта не соответствуют действительности, так как на углу Кирочной и Потемкинской улиц в 1913–1915 гг. жил Ю. Юркун, а Кузмин с 1915 г. до своей смерти в 1936 г. жил в Петрограде по адресу: ул. Спасская, д. 17, кв. 9 [Лекманов, 2020, с. 787].

Ещё серьезней оказалась ошибка с путаницей адресов в стихотворении Одоевцевой из сборника «Двор чудес» [Одоевцева, 1922, с. 34–35], в седьмой строфе которого («Год прошел и принес с собою / Много добра и много зла, / И в старинный дом на Шпалерной / Я походкой робкой вошла») вместо улицы, на которой жил Гумилёв, упомянута та, где располагался дом предварительного заключения, куда поэт был помещен после ареста в ночь с 3 на 4 августа 1921 г. Во всех последующих редакциях ошибка была устранена: Шпалерная была переправлена на Преображенскую, на которой Гумилёв действительно жил [Лекманов, 2020, с. 470–471].

О.А. Лекманов отмечает и множество других досадных промахов, среди которых утверждения Одоевцевой, что Гумилёв одобрил стихотворение Н. Чуковского «Засыпает сторож в будке», однако написано оно было в 1922 г., когда Гумилёв уже погиб [там же, с. 480]; или что Гумилёв для определения настроения использовал выражение «психологический градусник», по словам Одоевцевой, принадлежащее Гофману, однако поэт употреблял выражение «психологический барометр», впервые появившееся в книге Ш. Бодлера «Искусственный рай» [там же, с. 625]; или что панихида по Гумилёву проходила в часовне на Невском, однако состоялась она в Казанском соборе в начале сентября 1921 г. [там же, с. 815].

Исследователь также замечает, что в мемуарах других авторов не зафиксирована склонность Гумилёва или Мандельштама к автоцитатам. Безусловно, отсутствие упоминаний об этом в других воспоминаниях не исключает возможную правоту Одоевцевой, у которой поэты часто декламируют собственные произведения.

В угоду тому самому «интереснее» Одоевцева расцвечивает не только речь поэтов, но и их портреты. Дополнительные краски она добавляет, описывая глаза Мандельштама: «Он вытер слезы, катившиеся из его цвета весеннего неба глаз...» [там же, с. 186]. В первой публикации цвет глаз был назван прямо: «Он вытер слезы, катившиеся из его голубых, как весеннее небо, глаз...» [Одоев-

цева, 1963, с. 24]. Было в журнальном варианте и другое описание: «...взглянул на меня голубыми, сияющими “ангельскими” глазами» [Одоевцева, 1963, с. 19], – которое вызвало гневную и насмешливую реплику супруги поэта, Н. Мандельштам, поскольку глаза у Осипа Эмильевича были карими. Во «Второй книге» Н. Мандельштам упоминает об Ирине Одоевцевой, «черт знает что выдумавшей про Гумилёва и подарившей Мандельштаму голубые глаза и безмерную глупость» [Мандельштам, 1999, с. 34]. Одоевцева, «чрезвычайно болезненно относившаяся к критике со стороны Н. Мандельштам», сняла в книжном варианте цветовой эпитет. О.А. Лекманов предполагает, что мемуаристку сбил с толку портрет Мандельштама, приведенный в книге В. Рождественского: «И только большие синие глаза с длинными, редко расставленными ресницами взглядывали порой с почти ребячьей наивностью и обезоруживающим добродушием» [Рождественский, 1962, с. 129]. Отказавшись в итоговом варианте книги от прямого упоминания цвета, Одоевцева все же оставила сопоставление глаз Мандельштама с небом, которое, «по-видимому, было ей дороже “правды жизни”» [Лекманов, 2020, с. 591]. Вымысел оказался важнее факта.

«Вписывание» чужих воспоминаний в канву собственных является еще одной причиной, к сожалению, неоднократно приводящей Одоевцеву кискажению истины. Она, например, передает разговор, якобы состоявшийся между ней и Мандельштамом, в котором последний восхищенно отзыается о М.А. Волошине: «Ах, сколько вы потеряли. Не знать Волошина! – А за ним стая пестрых собак с лаем несется по земле» [Лекманов, 2020, с. 189]. Недоверие комментатора объясняется тем, что в этот период Мандельштам находился с Волошиным в тяжелой ссоре. О.А. Лекманов выдвигает гипотезу о происхождении фрагмента с подробностями коктебельской жизни Волошина в воспоминаниях Одоевцевой, предполагая, что рассказ о привычке поэта ездить на велосипеде, сопровождаемом эскортом собак, был взят из очерка М. Цветаевой «Живое о живом» [Цветаева, 1933, с. 221, 226]. Не мог, по мнению исследователя, Мандельштам и процитировать афоризмы «если надо объяснять, то не надо объяснять» в 1920 г, поскольку он был впервые сформулирован в книге Г.А. Ландау, вышедшей в 1927 г. [Лекманов, 2020, с. 599].

Эти и другие ошибки вызывали недовольство современников. Самым безжалостным из критикующих, пожалуй, была Н. Мандельштам. Она гневно комментировала описанный в книге «На берегах Невы» приезд к ней Г. Иванова: «В воспоминаниях Одоевцевой я прочла, будто я ходила в костюме Мандельштама и накормила гостя отличным обедом. Кто из них врет, я не знаю, но думаю, что Иванов застал меня в пижаме. У меня была – синяя в белую полоску. В Петербурге еще не знали пижам, и у меня там несколько раз спрашивали: «Это у вас в Москве так ходят?..» Эта пара – Иванов и Одоевцева – чудовищные вруны» [Мандельштам, 1999, с. 148–149]. На что Одоевцева, по воспоминаниям переводчика и филолога Е. Витковского, резонно заметила: «Она пишет, что была в пижаме... Наверное! Она же лучше знает, в пижаме или не в пижаме! Но я не знала, что по городу можно ходить в пижаме! Скажите, это важно?...» [цит. по: Лекманов, 2020, с. 633].

Вызвала сомнения у Н. Мандельштам и достоверность фрагмента об откровенном разговоре А. Белого с едва знакомой Одоевцевой. Негодование слышится в каждом слове Н. Мандельштам: «...к ней подошел в Летнем саду не то Блок, не то Андрей Белый и с ходу сообщил интимные подробности о жизни Любови Дмитриевны Блок... Кто поверит такой ерунде...» [Мандельштам, 1999, с. 34]. Далее вдова О. Мандельштама пишет даже, что «рассказ “об откровенностях Андрея Белого, встретившего Одоевцеву в Летнем саду” – “мерзость”» [Лекманов, 2020, с. 694]. Автор «Путеводителя...» вступается за Одоевцеву, последовательно и подробно доказывая склонность Белого к экзальтированной откровенности, приводя в пример в том числе рассказы В. Ходасевича [Ходасевич, 1939, с. 72] и Н. Берберовой [Берберова, 2001, с. 190–191] о настойчиво повторяющихся исповедальных речах Белого о его отношениях с А. Блоком и Л. Блок. Однако при этом исследователь полагает, что «ни доказательством, ни опровержением правдивости» Одоевцевой эти свидетельства являться не могут, поскольку приводимые ею факты можно найти и в других, ранее опубликованных источниках, которыми она, безусловно, пользовалась. Таким образом, исследователь занимает нейтральную позицию, но приводимые им расширенные комментарии с аналитическими элементами призваны помочь «самому любопытному читателю» сделать самостоятельные выводы.

Несмотря на допущенные мемуаристкой неточности, книга «На берегах Невы» не случайно на протяжении многих лет является бестселлером. В ней события вековой давности становятся зримыми, ожидают людей, сама эпоха. А «Путеводитель...» множеством дополнительных деталей, существенных и несущественных, помогает эту эпоху понять.

Книга снабжена обширным библиографическим аппаратом, указателем имен, а также фотоматериалами из Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, Государственного Русского музея, Государственной Третьяковской галереи, Государственного Эрмитажа, Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, портала Citywalls, архивов РГАЛИ и РИА Новости, а также фото М. Наппельбаума (Агентство ФТМ, Лтд).

Список литературы

Берберова Н. Курсив мой. Автобиография [Текст]. – Москва : Согласие, 2001. – 736 с.

Иванов Г., Одоевцева И., Гуль Р. Тройственный союз : (переписка 1953–1958 годов) / публ., сост., comment. А. Арьева, С. Гуаньелли. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2010. – 629 с.

Ладинский А. Стихи о Европе. – Париж : Типография Я.П. Никишина, 1937. – 59 с.

Лекманов О.А. «Жизнь прошла. А молодость длится...» Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» / под общ. ред. Н.А. Богомолова. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. – 861, [3] с. – (Чужестранцы).

Мандельштам Н. Вторая книга. – Москва : Согласие, 1999. – 750 с.

Мец А. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. / сост., подгот. текста и comment. А. Мец. – Москва : Прогресс-Плеяда, 2009. – Т. 1. – С. 517–735.

Одоевцева И. Двор чудес. Стихи, (1920–1921 г.). – Петроград : Мысль, 1922. – 59 с.

Одоевцева И. На берегах Невы // Русская мысль. – Париж, 1962. – 8 февраля. – № 1797. – С. 4–5.

Одоевцева И. На берегах Невы // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1963. – № 71. – С. 12–43; № 72 – С. 64–91; № 74 – С. 136–155.

Рождественский В. Страницы жизни. – Москва : Советский писатель, 1962. – 380 с.

Ходасевич В. Некрополь : воспоминания. – Bruxelles : Petropolis, 1939. – 76 с.

Цветаева М. Живое о живом // Современные записки. – Париж, 1933. – № 53. – С. 215–250.

«...Я не имею отношения к Серебряному веку...» : письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову, (1956–1975) / публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // In

memoriam : ист. сб. памяти А.И. Добкина. – Санкт-Петербург ; Париж : Феникс–Atheneum, 2000. – С. 398–518.

Ivanov G., Odoevceva I. Briefe an Vladimir Markov, 1955–1958 / hrsg., einl. von H. Rothe. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 1994. – 112 S.

References

Berberova, N. (2001). *Kursiv moj. Avtobiografija*. Moscow: Soglasie.

Ivanov G., Odoevceva I., & Gul' R. (2010). *Trojstvennyj sojuz: (Perepiska 1953–1958 godov)*. Saint-Petersburg: Petropolis.

Ladinskij, A. (1937). *Stihi o Evrope*. Paris: Tipografija Ja.P. Nikishina.

Lekmanov, O.A. (2020). «*Zhizn' proshla. A molodost' dlitsja...*» *Putevoditel' po knige Iriny Odoevcevoj «Na beregah Nevy»*. Moscow: Izdatel'stvo AST: Redakcija Eleny Shubinoj.

Mandel'shtam, N. (1999). *Vtoraja kniga*. Moscow: Soglasie.

Mec, A. (2009). Kommentarii. In O. Mandel'shtam, *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* (Vol. 1, pp. 517–735). Moscow: Progress-Plejada.

Odoevceva, I. (1922). *Dvor chudes. Stihi (1920–1921)*. Petrograd: Mysl'.

Odoevceva, I. (1962, February 8). Na beregah Nevy. *Russkaja mysl'*, 4–5.

Odoevceva, I. (1963). Na beregah Nevy. *Novyj zhurnal*, (71), 12–43; (72), 64–91; (74), 136–155.

Rozhdestvenskij, V. (1962). *Stranicy zhizni*. Moscow: Sovetskij pisatel'.

Hodasevich, V. (1939). *Nekropol': vospominanija*. Bruxelles : Petropolis.

Cvetaeva, M. (1933). Zhivoe o zhivom. *Sovremennye zapiski*, (53), 215–250.

Odoevceva, I., & Markov V. (2000). «...Ja ne imeju otoshenija k Serebrjanomu veku...»: Pis'ma Iriny Odoevcevoj k Vladimiru Markovu, (1956–1975). In V.E. Alloj & T.B. Pritykina (Eds.), *In memoriam: Ist. sb. pamjati A.I. Dobkina* (pp. 398–518). Saint-Petersburg; Paris: Feniks–Atheneum.

Ivanov G., & Odoevceva, I. (1994). *Briefe an Vladimir Markov, 1955–1958*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.